И налево, и направо

Жизнь вузовского преподавателя в Советском Союзе стояла на трех китах – на учебной, научной и общественной работе. И всё это при мизерной оплате. Особенно досаждала общественная работа, которая иногда забирала больше времени, сил и нервов, чем все остальные нагрузки вместе взятые.

Ситуация во всех отношениях резко менялось, если «рядовому» преподавателю удавалось выйти в доценты. Но это было возможно только при одном условии – надо было написать и защитить кандидатскую диссертацию, а для этого опять же катастрофически не хватало времени. Это был замкнутый круг, прорвать который удавалось лишь немногим.

Ситуация значительно улучшалась, если преподавателю удавалось до 35 лет попасть в аспирантуру. В редких случаях это удавалось непосредственно по окончанию вуза. Но и тут опять же была заковыка – у аспиранта были развязаны руки, у него было время, но у него не было денег, хотя он и получал стипендию.

Эдуарду Каухеру удалось пробиться в аспирантуру при кафедре иностранной литературы педагогического института. Во-время учебы в институте он усиленно занимался английским языком, немного говорил по-французски, а немецкий язык был для него родным. Это обстоятельство стало решающим при его зачислении в аспирантуру. На кафедре иностранной литературы знание иностранных языков ценилось высоко, так как владеющие языками коллеги могли читать иностранную литературу в оригинале.

Но стипендии на жизнь катастрофически не хватало. Надо было искать дополнительный заработок. Аспирант Каухер в юности довольно успешно занимался музыкой и даже хотел стать музыкантом. Первым его музыкальным наставником был друг семьи, в прошлом профессиональный музыкант. Эдик научился играть на нескольких музыкальных инструментах, в том числе на кларнете и саксофоне и с удовольствием играл в студенческом оркестре, которым руководил его музыкальный наставник.

И вот, став аспирантом, Эдуард подумал: «А что если в музыканты податься? Играть то я не разучился еще.» Но куда? Различные любительские коллективы его не устраивали. Ему нужен был заработок. И тут пришла мысль податься в ресторанные музыканты. Говорили, что они неплохо зарабатывают. В большом сибирском городе ресторанов, конечно, было достаточно. И везде по вечерам «играла музыка». Каухер подался в самый большой из городских ресторанов. Директриса ресторана, которой Эдуард обратился со своим вопросом, сказала ему,

что она в такие дела не вмешивается и что это решает «руководитель оркестра», которого звали Гошей. На работу он, как и все музыканты, приходил в 18:30, а в 19:00 начиналась и сама работа. Эдуард дождался Гошу и объяснил ему свою проблему. «Маэстро», как Гошу называли музыканты, внимательно измерил Эдуарда взглядом.

- На чем играешь?

- Кларнет, саксофон.

- Приходи завтра к пяти часам. С инструментом. Посмотрим.

На следующий день, ближе к вечеру, Гоша начистил ботинки, надел свой единственный костюм, протер саксофон и отправился на «прослушивание».

Вступительное испытание началось в в 17:00. Происходило оно, конечно же, в комнате музыкантов. Гоша, тонкий импровизатор, заиграл какой-то блюз, назвал тональность и кивнул Эдуарду: начинай мол. Постепенно в «музыкальную» комнату, которая находилась сразу же за эстрадой, на которой «работали» Гоша и его группа, стали подтягиваться музыканты. Они, казалось, не обращали внимания на музицирующих, тихо настраивали инструменты, переодевались. Солистка Зина делала это за занавеской. Но при этом, конечно, все наблюдали за испытуемым и, главное, слушали, как он играет. А играл Эдуард, импровизируя на заданную Гошей тему, неплохо. Где-то через полчаса после начала «прослушивания» Гоша перестал играть и, глотнув из фляжки коньяка, обратился к контрабасисту по кличке Бык:

- Ну чё скажешь, бычара?

- Да лабает[1] он. Надо брать. С саксофоном веселее дело пойдет. Но только на полставки для начала и по пузырю армянского на брата в качестве вступительного взноса. Все загоготали.

«Ставку» музыканты действительно получали, но главным источником их доходов были «гонорары» за заказы, которые делали подвыпившие посетители. Эти «гонорары», которые иногда были довольрно внушительными, никто не контролировал.

Между тем, в ресторане начинался очередной вечер. Включенные динамики уже потрескивали. Солистка Зина проверила микрофон, постучав по нему длинным накрашенным ногтем.

- Вперёд, - скомандовал Гоша. Но музыканты уже и без команды заняли свои места.

- А тебе что, особое приглашение нужно, - обратился он к Эдику. Давай, давай, начинаем.

Зазвучали «Подмосковные вечера», в джазовом ритме Гошиной обработки. Эдик плавно вступил со своей импровизацией. Сидевшая

---

[1] Лабать. На жаргоне музыкантов играть на каком-либо музыкальрном инструмпентье

спиной к эстраде за столиком возле стены женщина средних лет, услышав новый тембр, с любопытством повернулась лицом к эстраде и измерила Гошу взглядом. Заметив это, Гоша на перерыве подошел к Эдуарду:

- Ты заметил вон ту бабу за столиком? – Гоша кивнул по направлению к столику,

- Кто это?

- Мы её Амазонкой кличем. Она тебя тоже заметила. Имей в виду, она здесь завсегдатай.

- А чем она занимается?

- Да вроде в университете английский преподает.

- Замужем?

- Да. Муж у нее снабженец на большом заводе. Мужик серьезный, но постоянно в командировках. В ресторане появляется редко. Давай, нам пора, перерыв кончился. Люди танцевать хотят.

«Заседание» продолжалось. Очень скоро стало ясно, что Эдик, как его потом стали называть, не только выдержал «прослушивание», но и хорошо вписался в известную в городе группу Гоши.

В процессе музицирования Эдик искоса следил за Амазонкой. Яркой внешностью она не обладала, но было в ней что-то притягательное. Зеленоватые глаза, пышные, светлые, красиво уложенные волосы, умеренный, почти незаметный макияж выгодно выделял её среди ярко раскрашенных и увешанных украшениями девиц в коротких юбках, которые составляли большинство дамского контингента в ресторане. В её внешнем облике не было вульгарности, наоборот, всё указывало на хороший вкус и интеллект.

В ресторане Амазонка появлялась в перерывах между играми на бильярде. Она и с мужем-то - тоже заядлым поклонником бильярда - познакомилась в процессе игры, проиграв при этом командировочному снабженцу солидную сумму. Снабженец проигранной суммы не взял. Завязалось знакомство и неженатому сибиряку удалось уговорить Амазонку уехать с ним в Омск. Но она согласилась только на условии, что он ни в чем не будет ущемлять её свободу. По приезду в Омск Амазонка, благодаря отличному знанию английского языка, устроилась на работу в местном университете.

Свои привычки она не оставила и на новом месте жительства, систематически посещала местный бассейн, разыскала бильярдную, которая находилась напротив ресторана, в котором Эдик устроился на работу, и часто там пропадала.

На бильярде она играла виртуозно и не отказывалась делать это даже на деньги. «Бильярдисты» к ней, конечно, сначала приставали, но быстро поняли , что это бесполезно, и оставили её в покое. Тем более, что шеф

бильярдной, друг музыкантов Жора, по кличке амбал, строго следил за порядком в своем «клубе» и никаких вольностей не допускал.

Амазонка в ресторане ела мало, но всегда заказывала кофе с коньяком. Постепенно официанты к этому привыкли и как только Амазонка садилась за свой столик в углу, они, не ожидая заказа, приносили ей кофе и рюмочку коньяка.

Танцевать Амазонку никто не приглашал, потому что она постоянно всем отказывала. В этот вечер она, сидя за своим столиком, который был постоянно для неё резервирован, сразу же расслышала звучание нового инструмента в оркестре и повернувшись лицом к эстраде увидела среди музыкантов новое лицо. Это был саксофонист Эдик Каухер. Зазвучал медленный танец, Эдик уверено солировал в знакомой ему мелодии, с любопытством рассматривая танцующих, особенно разряженных женщин.

Вдруг в ресторан ввалилась шумная ватага кавказцев. Это здесь тоже было обычным явлением. Один из кавказцев бросил на малый барабан сотенную купюру.

- Лезгинку!

Гоша спрятал купюру в карман,

- Анзор, десять минут!

Анзор бросил на барабан еще полтинник. Гоша сунул в свой карман и эту купюру.

- Ну хорошо, Анзор, пятнадцать минут, не обижайся, больше нельзя.

Музыканты заиграли темпераментную лезгинку. Началась дикая кавказская пляска с криками «асса!» и свистом. Многие посетители, хлопая в такт лезгинки в ладоши, подбадривали танцующих кавказцев. Музыка гремела, кавказцы плясали с громкими криками, картинно размахивая руками, посетители хлопали и свистели. Говорить друг с другом в этом грохоте было невозможно. Это, конечно, нравилось не всем. Но кавказцы сорили деньгами, а их лидер Анзор, по слухам, был любовником самой директрисы ресторана Натальи Алексеевны, поэтому обслуживающий персонал вынужден был с этими кавказскими выходками мириться.

На жизнь Кавказцы зарабатывали тем, что перепродавали на местном рынке апельсины, купленные опять же на рынке в Москве, при этом они даже не срывали с южных плодов наклейки с надписью *Marocco.* И судя по их поведению, это занятие приносило немалый доход.

После кавказского выхода опять зазвучала «нормальная» музыка. Первый вечер Эдуарда в ресторане постепенно заканчивался. Музыканты собрались в своей комнате, официантки принесли закуску, музыканты выпили на прощание бутылку армянского коньяка, Гоша разделил полученные за «заказы» башли[2] и все стали собираться по домам.

---

[2] «Башли», на музыкантском жаргоне деньги.

Когда Эдик со со своим саксофоном вышел на крыльцо ресторана, он заметил что Амазонка садится за руль вседорожника, припаркованного недалеко от входа в ресторан. Во время кавказского «выхода» Эдик видел, что она , закурив сигарету, равнодушно смотрела на танцующих. От этого Амазонка сразу выросла в его глазах. Вседорожник Амазонки медленно подкатил к стоядщему с футляром на тротуаре Эдику, открылась передняя дверца.

- Садись, трубач, подвезу.
- Я не трубач, я саксофонист.
- Да какая разница?
- Разница большая.

Но сидевшая за рулем Амазонка перебила Эдика.

- Тебя подвезти или ты пешком?

Эдик сел в машину на переднее сиденье.

- Thank you.[3]
- Do you speak English?[4]
- In a kind of way.[5]

Брови Амазонки поползли вверх. Этот «Трубач» явно вызвал интерес скучающуей дамы. Ехать к дому Эдика было недолго, но он успел по дороге непринужденно поболтать с Амазонкой по-английски . Выходя возле своего дома из машины, Эдик еще раз поблагодарил её.

- See you tomorrow![6]

Амазонка кивнула и уехала.

На следующий день вчерашняя ситуация в точности повторилась, с той лишь разницей, что Эдик успел еще раз поболтать с Амазонкой, присев на перерыве к её столику.

Музыканты зашушукались:

- А новенький-то наш шустрым малым оказался.
- Языки надо учить, - многозначительно сказал проницательный Гоша и подошел к Эдику.
- Ты это, поосторожнее на поворотах, – Гоша кивнул в сторону Амазонки.
- Но ты же сам сказал, что её муж в командировке.
- Да тут дело не только в муже, - загадочно протянул Гоша.

Весь вечер Эдик не сводил глаз с Амазонки, которая тоже несколько раз «стрельнула» в его сторону. По всей видимости, начинался роман.

Но на третий день ситуация резко изменилась. Когда Амазонка опять мягко подкатила к стоящему на тротуаре перед растораном Эдику и открыла дверцу, возле вседорожника Амазонки, как из под земли, вырос

---

[3] *Спасибо.*
[4] Вы говорите по-английски?
[5] В какой-то степени.
[6] До завтра!

Анзор. Тыльной стороной ладони Анзор небрежно отодвинул Эдика от машины.
- Ты куда лезешь, мальчик. Это же за мной.
Эдик молча поставил футляр с саксофоном на тротуар и отодвинул его ногой в сторону. Первая реакция музыканта в такой ситуации всегда связана со спасением инструмента. Никаких шансов против Анзора у Эдика, конечно, не было. Но тут на крыльце ресторана появился контрабасист Бык и многозначительно кашлянул. С музыкантами кавказцы не связывались. За музыкантами стоял народ, кроме того, они входили в состав ресторанного персонала, а ресторан был для них вторым домом. Анзор замялся, а Эдик, пользуясь заминкой, взял футляр, сел в машину, которая сразу же рванула с места, и укатил с Амазонкой. Но это было в этот вечер еще не всё. Амазонка возле дома Эдика не остановилась, а проехала дальше.
- Мы проехали, сказал Эдик.
Амазонка помолчала, потом, немного наклонившись к Эдику, спросила.
- А не хочешь ли ты, милый мой трубадур, заглянуть ко мне на рюмку чая?
Ситуация принимала неожиданный оборот. Скептический и даже несколько насмешливый взгляд Амазонки подстегнул Эдика. Он тоже улыбнулся и сказал.
- With pleasure![7]
- Тогда вот что. – В голосе Амазонки послышались серьезные нотки и она остановила машину.
- Я сейчас объеду дом с другой стороны, а ты вылезай, обойди дом с этой стороны и поднимись во втором подъезде от угла в 88-ю квартиру. Дверь будет открыта. Не забудешь, трубадур?
- Не беспокойся. – Эдик впервые назвал Амазонку на ты и вышел из машины. Во рту у него от волнения пересохло. Такого поворота он не ожидал, эта интеллигентная и на вид неприступная замужняя дама сама приглашает его ночью «на рюмку чая». Сначала Эдик подумал, что она над ним издевается и сейчас поднимет его на смех. Но Амазонка вдруг вышла из машины и притянула его, взяв за пуговицу, к себе.
- Саксофон свой поставь в багажник. Здесь его никто не тронет. Или ты хочешь мне еще сыграть?
Эдик ничего не ответил, буркнул только:
- Наигрался уже. – и отправился в названную Амазонкой квартиру, которая действительно оказалась открытой. Амазонка уже суетилась на кухне, сервируя обещанный кофе, не забыв неизменный коньяк. Казалось бы, можно было бы уже и расслабиться, но вдруг раздался дверной звонок, потом еще один, требовательнее. По лицу Амазонки пробежала тень

[7] С удовольствием!

тревоги, она неслышно подошла к двери, посмотрела в глазок и, повернувшись к Эдику, беззвучно прошептала.
- Это Анзор. Этот козел сейчас начнет тарабанить в дверь и разбудит всех соседей.

Ситуация второй раз за этот вечер стремительно накалилась, но опять разрядилась, благодаря его Величеству случаю: с огромным догом на поводке домой возвращался с прогулки сосед Амазонки. Увидев Анзора, который уже занес было кулак, чтобы бухнуть в дверь, дог натянул поводок, встал на задние лапы и угрожающе зарычал, хозяин пса еле удерживал его. Стоило хозяину на мгновение ослабить поводок, и дог ринулся бы на кавказца, от которого вдобавок ко всему разило алкоголем, который приводит собак в бешенство. Но Анзор, хотя и находился в изрядном подпитии, ситуацию оценил трезво и предпочел ретироваться.

Свет в квартире Амазонки погас. В доме воцарилась тишина. В эту ночь Эдик домой не вернулся. Утром Амазонка дала ему ключ от багажника своего вседорожника, чтобы он смог взять свой инструмент, и сказала.
- Ключ вернешь в ресторане.

Эдик тенью прошмыгнул к выходу, схватил саксофон и побежал к автобусной остановке, надо было еще успеть на работу в институт.

Так для аспиранта Каухера началась сказка, которая, однако, продолжалось недолго. Но изложим всё по порядку.

Ситуация с вседорожником повторялась уже две недели кряду. Но однажды, когда Эдик, как всегда, стоя на тротуаре у ресторана после работы, ждал «экипаж» Амазонки, её вседорожник плавно проехал мимо него. Рядом с Амазонкой, развалившись, с сигаретой в зубах сидел злорадно улыбающийся Анзор. Эдик растерянно смотрел вслед удаляющейся машины и лишь глупо бормотал:
- Так вот откуда этот кретин знает её адрес. Но не может же быть, чтобы она с этим кретином, с этим примитивным барыгой...
- Может, может, Эдик, еще как может, - упрямо твердил внутренний голос.

И тут Эдик вспомнил, что где-то неделю назад трубач Сеня вдруг засуетился:
- Мужики, тут никто ключика не видел?
- Какой ключик?
- Да от багажника, - Эдик насторожился, но на всякий случай уточнил:
- А на кой он тебе?
- Так у меня же труба там...

Это было для Эдика громом среди ясного неба. Он вспомнил теплые руки и грудь Амазонки, душевные разговоры, клятвы в верности и даже зашатался от обиды и тоски, навалившейся на него. Конрабасист Бык, с

которым Эдик успел подружиться, наблюдал описанную сцену перед рестораном издалека. Бык сразу всё понял:
- Вот сука!, - в сердцах выругался он. И налево, и направо! Затем он подошел к Эдику и потрепал его по плечу:
- Ну ты,это, не очень...
Но Эдик уже ничего не слышал. Безнадежно махнув рукой, он уныло поплелся к автобусной остановке. Сказка закончилась.

Dr. Robert Korn